

ГАРМОНИЯ ТАЛАНТА

«Я видел сегодня великолепно-го артиста, способного стать гордостью любого театра...»

Эти слова не предназначались для печати — они были адресованы близкому человеку в интимной беседе под впечатлением встречи с артистом Одесского театра оперы и балета Анатолием Рихтером в спектакле «Севильский цирюльник». В печати мы приучили себя почему-то к более сдержанным оценкам. Даже место в театральных рецензиях отводится актерам самое скромное: в последних строчках, и, как правило, говорят об актерской игре привычной скороговоркой.

Источник той радости, которую мы выносим из театра, — это актер. И это чувство радости, как всякое чувство, — очень интимно и непосредственно.

Я хочу поделиться своей радостью, вызванной встречей с Рихтером-дон Базилио, и попытаться проникнуть в тайну яркого актерского успеха.

Работа талантливого артиста покоряет прежде всего своей законченностью, вниманием к бесчисленным деталям, доведенным до такой степени совершенства, что они стали органическими чертами живущего реальной жизнью сценического образа. В этом угадывается огромный актерский труд.

И нести такой груз мастерства незаметно для зрителя можно лишь тогда, когда достигнута абсолютная внутренняя свобода, когда образ стал вторым актерским «я». И это сценическое чудо происходит на наших глазах, когда плут и бестия дон Базилио в исполнении А. Рихтера делает свои первые шаги, когда он еще не забрасывает в житейское море коварные сети клеветы.

Острота пластического рисунка, точно найденная походка, пропорции его смешной фигуры и мастерски сделанный грим создают гармоническое живое целое, в котором ничего нет от привычных оперных штампов.

Казалось бы, что нового можно услышать в знаменитой арии о клевете, петой и перелетой всеми басами мира? Но, насколько я могу судить, А. Рихтер нашел в этой арии новую грань, чрезвычайно важную для углубленной характеристики образа. В традиционной трактовке доминирующими в этой арии являются откровенно зловещие интонации. Такая саморазоблачительная тенденция не может достичь полного художественного эффекта: как бы ни пугал нас дон Базилио, но если он только пугает, то перестает быть страшным. Это закономерно. Но Рихтер-дон Базилио не столько пугает, сколько наслаждается своим коварством. Он смакует идею клеветы, любит ее безразвратной силой. И этим он страшен. Клеветник — фигура не такая уж монотонная, как это может показаться. Клеветник по природе своей — это весьма эмоциональная порода человекоподобных. И в этом наслаждении своим «ремеслом» — неиссякаемый запас с пасной для

общества энергии всех клеветников. Такая трактовка образа мне представляется своеобразным художественным открытием артиста и заслуживает высокой оценки.

Сложная психологическая и социальная характеристика образа органически спаяна с музыкой Россини. Партия дон Базилио свободно, мастерски и вдохновенно спета артистом. А. Рихтер отлично знает свой голос и пользуется им без всякого стремления произвести самостоятельный эффект. Его могучее «крещендо» в центральной арии рождается из самой глубины образа и поэтому приобретает органические черты сценического действия.

В целом спектакль «Севильский цирюльник» на сцене одесского театра, к сожалению, не стал ярким событием. Хотя в режиссерских приемах постановщика З. Колтона чувствуется стремление отойти от оперных штампов, добрые намерения режиссера в данном случае оказались теми самыми, которыми «выложена дорога в ад». Стремление к новаторству во что бы то ни стало, по моему, увело режиссера далеко от тех целей, которые он перед собой поставил: разрушить извечную статичность оперной постановки. Неосмысленность и нарочитость целого ряда мизансцен слишком очевидна, ибо все остается в рамках формальных поисков. Это выглядит особенно контрастно на фоне корректной и благородной трактовки музыкальной партии дирижером Д. Спитинером.

А. БАРЕНБОЙМ,
зав. учебной частью
театрального училища.
НА СНИМКЕ: сцена из спектакля
«Севильский цирюльник».
Фото А. Князева.

Знамя коммунизма
г. Одесса

30 ЯНЬ 1966